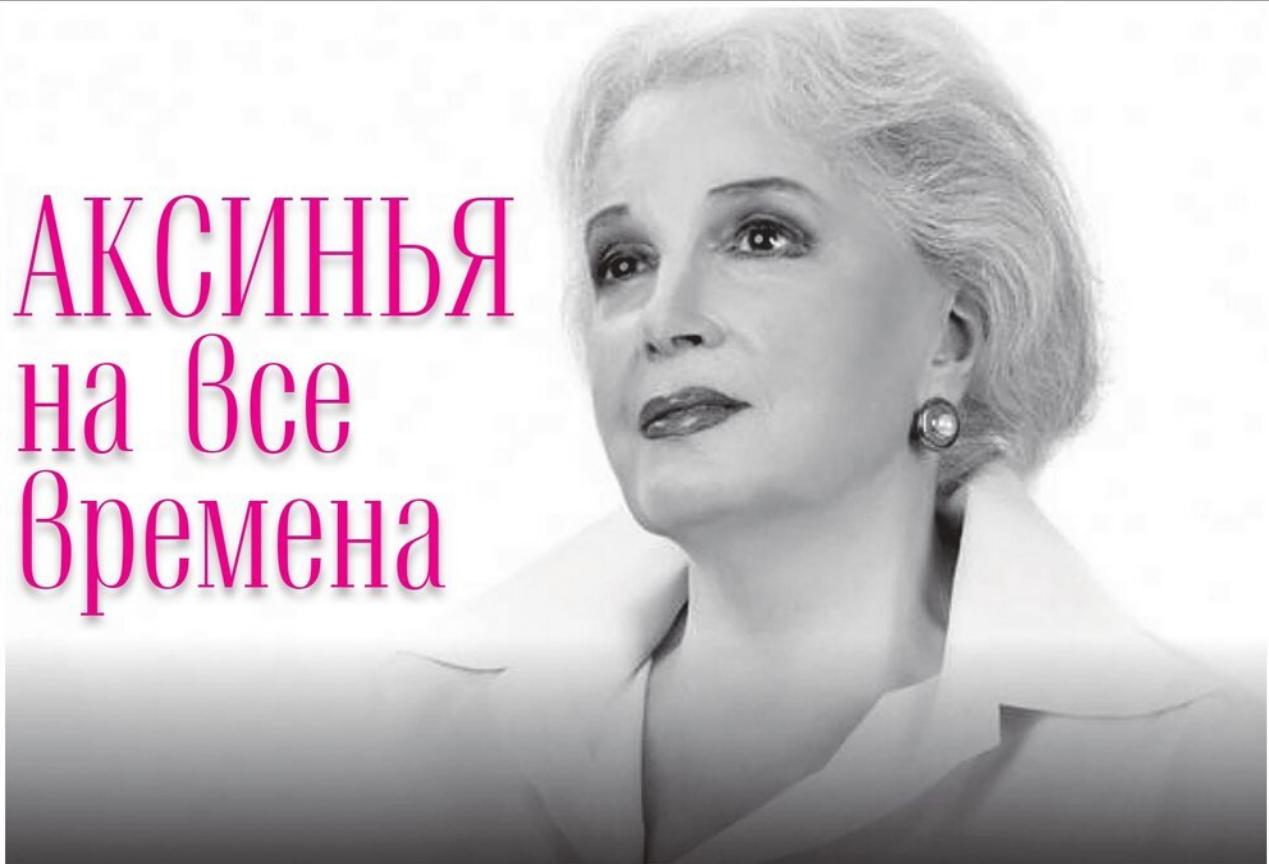

АКСИНЬЯ на Все Времена

Геннадий Норд

Она была и останется легендой! Она читала мои стихи, пела мои песни на своих концертах. Мы не просто были знакомы — у нас были теплые, доверительные, дружеские отношения.

Народная артистка СССР, почетный член Союза писателей Северной Америки-

ки Элина Быстрицкая.

Когда видишь Элину Быстрицкую на экране, хочется, чтобы крупный план актрисы длился бесконечно. Магия ее взгляда и низкого певучего голоса та- кова, что сразу невольно выпрямляешь спину и начинаешь говорить вполголоса. А уж что говорить, если встречаешься с ней наяву!

Как-то она позвонил и сказала:

— Нордик, хочу сделать тебе подарок на день рождения. Приходи на спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». Оставила тебе контрамарки на лучшие места. После спектакля отметим.

Места, действительно были директорские. Огромный букет я пристроил на со- седнее свободное кресло. Это притом, что зал был набит битком — спектакль за- купила какая-то энергетическая компания.

На сцене все звезды Малого театра — Элина Быстрицкая, Ирина Муравьева, Борис Клюев, Александр Потапов...

Вижу в антракте: организатор культпо- хода принесла к сцене огромную корзину с цветами и раздает своим активистам:

— Ты вручишь этому, а ты — этому. «Ну — думаю, — мне через эту толпу долго прорываться придется!»

К концу второго действия я приди- улся к лесенке на сцену и, когда актеры вышли на поклон, первым по ней взле- тел.

Но... забыл! Давно не выходил на те- атральную сцену, а она, в отличие от эстрадной, имеет скос под рампу, через который перекинуты мостики. Я под ноги ни смотрел. Правой ногой встал на мост- ки, а левой в умы провалился и вместе с букетом рыбкой полетел как раз под ноги Быстрицкой.

— Ух! — выдохнул хором тысячный зал. Как побледнела Элина Авраамовна, было видно даже под гримом.

Потапов с Клюевым помогли мне под- няться.

В примерке, поднимая за меня бокал, Борис Клюев сказал:

— Норд сегодня не смог спеть, так он иначе отличился.

А Быстрицкая не отходила от меня весь вечер...

— Ты много лет служишь в Малом. Но ведь поначалу тебя встретили здесь враждебно. Ты даже успокоительные таблетки пила.

— Не потому, что меня здесь так встре- тили, а потому, что у меня были сложные репетиции. Начинать в театре после кино было очень сложно.

— Ты пришла в театр, и тебе было сложно репетировать?

— Перед поступлением в Малый театр почти два года у меня были съемки в «Ти- хом Доне», и отыскала от театральной работы, которая ежедневная и основательная. Меня не встретили враждебно. Да, у меня были некоторые ноансы с моими партнерами. Прийти новичком в коллектив уже сложившийся... Надо быть очень осторожным, понимать, куда ты пришел.

Сцена из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты»

— А ты была осторожна?

— Не могу сказать. Я была правдива, я была честна. Для меня это очень важные качества. Я терпеть не могу тех, кто сочиняет, врет — с пользой для себя или во вред кому-то.

— Главный режиссер Театра им. Моссовета Юрий Завадский приглашал тебя к себе в театр, но он получил такое количество анонимных доносов на тебя, что решил с тобой не связываться. Какая кому тут была польза?

— Мне об этом сказал Борис Новиков во время съемок «Тихого Дона». Он работал в Театре Моссовета, и я спросила: «Не знаешь, что там случилось? Почему меня сначала пригласили, а потом отказали?» И он сказал: «Не только я знаю, весь худсовет знает. Пришло 20 анонимок из Киева». Хочешь, расскажу, как было?

— Конечно.

— Я закончила театральный институт в Киеве, и меня направляли в Херсонский театр. Приехал главный режиссер этого театра. «Сегодня, о сёмий, ресторон «Спорт». Я сказала, не пойду. «Смотри, тебе у меня работать». На следующий же день я пошла в бирю учета и распределения кадров и сказала, что не поеду в Херсон потому-то и потому-то. Женщина, которая там работала, ответила: «Вы порочите наши кадры». Мне пришлось добиваться освобождения. Я попросилась на показ в Театр Моссовета, который гастролировал в это время в Киеве. Худсовет посмотрел — и меня приняли. Перед отъездом я праздновала свадьбу своей подружки. Из гостей была аж только я. Мы пошли на гору над Днепром, взяли в киоске по бокалу шампанского и мороженое. Весна 53-го года, сам понимаешь, какие у нас были возможности. И там были выпускники нашего института. Меня спросили: «Правда, что ты собираешься ехать в Москву к Завадскому?» — «Да». — «А что ты там будешь работать?» — «Буду роли играть», — сказала я. Я понимала, что есть приглашение и все будет хорошо. Больше я ничего не говорила. И только спустя годы, когда я уже начала сниматься у Сергея Герасимова в «Тихом Доне», я узнала, что на меня написали анонимные письма.

— Неужели всему виной то, что ты отказалась сходить с режиссером в ресторан? Может, тебя не любили в институте?

— Меня в институте любили, но были люди, которые меня и не любили. Что я могу сделать? Я не думаю, что все должны меня любить. И сегодня есть люди, для которых просто мое существование немалая неприятность. Но это нормально. Я свое дело делала — и всё!

— А обостренное чувство справедливости передалось от родителей или это уроки жизни?

— Не знаю, откуда это. Это было всегда. Я дралась, когда обижали мою подружку. Она была маленькая, тоненькая, а я, как сама считала, здоровущая и должна была ее защищать. Мы росли вместе, наши мамы дружили, и они по очереди водили нас на прогулки — мы с ней в одной коляске лежали. Я помню, как в школе, в самых начальных классах, мы бежали после уроков домой, потому что был мальчишка, который обязательно ранцем своим должен был ее ударить, а я ее защищала, я с ним дралась.

— У тебя бойцовский дух.

— Наверное. Я росла с братиком двоюродным, и мы с ним тоже дрались. Друг дружку хорошо тушили, но знали, что должна быть правда. Я росла с мальчишками, от мальчишек училась. Мое увлечение бильярдом тоже оттуда: у нас с братом был общий бильярд, нам родители купили.

— Ты больше любила мальчишеские игры, а не кукол, плюшевые игрушки?

— Куклы тоже были. Я помню, мы однажды решили сделать одной прижигание носа зажженной спичкой. Это был целлофлонный пуск, и он загорелся. Но ничего, мы сами погасили пожар.

— Гляди на тебя, понимаешь, что внешняя красота зависит от внутренней гармонии.

— Знаешь, конечно же, природа имеет значение. Но я помню, как мама говорила мне: «Никогда, никому и ни при каких обстоятельствах ты не имеешь права ни сказать, ни сделать ничего плохого». Я дума-

Кадр из кинофильма «Тихий Дон»

В роли Аксиньи

ла, почему она мне это говорит, я никому не собираюсь делать ничего плохого. Мне это было нетрудно: я никогда ни перед кем не отставала свои интересы, всегда охотно кого-то защищала, кому-то помогала. А когда началась война — мне было 13 лет, — я решила, что должна идти помогать родине, и я пошла. И с тех пор так оно и идет: я не чувствую никаких трудностей в этом плане. Трудной была война.

— В год, когда началась война, ты с родителями жила в Киеве?

— Да, мама работала в киевской школе, отец — военный врач — постоянно разъезжал по воинским гарнизонам, больницам, госпиталям. В июне 1941 года мы решили, что каникулы проведём у папы. Взяли только летние вещи. Мечтали, как будем купаться и загорать. И вдруг 22 июня...

На Украине война начиналась стремительно. Я помню, как вражеские самолёты летели бомбить Киев. Помню, как спешно начали грузиться эшелоны. Как стал обыденностью рёв сигнала воздушной тревоги. Вдруг вся жизнь оказалась вывернута наизнанку.

— Но вместо того чтобы отправиться в эвакуацию ты пошла работать в госпиталь...

— Мне казалось, что это самое правильное, что можно сделать. Все мальчики хотели на фронт, девочки — спасать раненых. Да вообще не важно, что делать, главное — помогать врага. Поэтому через неделю после начала войны я пошла в госпиталь, в котором служил отец. Сперва хотела попросить его определить меня на службу, но потом подумала и решила действовать самостоятельно — мне ведь 14-й год, уже большая! Правда, часовые на проходной меня не пропустили. Тогда завернула за угол и просто перелезла через ограду. В штабе госпиталя я нашла кабинет комиссара, вошла к нему и заявила: «Хочу помочь фронту». Он внимательно посмотрел на меня и спросил: «Что ты умеешь делать?» Я очень важно, с достоинством ответила: «Для фронта я умею делать всё». Комиссар вполне серьёзно решил: «Хорошо, будешь работать в нашем госпитале. Разносить раненым почту, писать им письма под диктовку и читать газеты».

— Как он согласился принять на работу ребёнка?

— Знаешь, я всю жизнь вспоминаю о нём как о мудром человеке. Он понимал, как важно общение для искаженныхвойной людей.

Вскоре госпиталь пришлось эвакуироваться. Лаборатория, которой руководил мой отец, выбиралась на крытых грузовиках. А весь остался личный состав уезжал поездом. Мы должны были соединиться на небольшой станции Готня под Харьковом.

Я ехала, разумеется, с отцом. И когда наши грузовики выехали за город, мы обомлели: повсюду горел неубранный хлеб, его специально подожгли, чтобы урожай не достался немцам. На это невозможно было смотреть без слёз. Мы добрались до Готни, едва не попав к фашистам, потом переехали в Уральск и так всё дальше и дальше.

— Вопрос, наверное, банальный, но что было самым страшным на войне?

— Здесь можно о многом сказать. Гибель людей у твоих на глазах, постоянный запах крови, который меня потом долго преследовал, голод...

Помню, как однажды мы остановились на железнодорожной станции. Рядом стоял развороченный снарядом вагон. Ветер выносил из него в чёрную обугленную степь белые треугольники — письма с фронта и на фронт. Я печально смотрела на эту метель из писем и думала: сколько же людей не дождутся весточек от своих родных, будут думать, что они погибли! Вместе со мной на это смотрели и раненые солдаты. И по их глазам было видно, как они представляют, что вот так могли бы лететь и эти письма. Я начала что-то лепетать им, что письма соберут и отправят по назначению. «Хороший ты человек, дочка», — хмуро сказал один из раненых. Остальные молчали. Мне хотелось крикнуть им, что, возможно, среди этих писем и мое письмо или весточка мне от папы.

С Петром Мелиховым
(Петром Глебовым)

Окончание. Начало на с.13

Но я промолчала: зачем добавлять к чужому горю свой?

— А разве папа был не с тобой в лаборатории?

— Нет, его незадолго до этого отправили под Сталинград. Он писал, что жив, здоров и надеется на скорую встречу. Потом письма перестали приходить, и наступило глухое молчание. Мы с мамой подозревали самое худшее. Как могли, разыскивали папу, но ответа на свои запросы не получали. И каждый день надеялись: вот сегодня придёт от папы письмо...

— Пришло?

— Пришло, но только через несколько месяцев. Оказалось, что папу из-под Сталинграда направили на Кавказ, где тоже шли жестокие бои. Его часть попала в окружение. Они получили приказ выходить к своим поодиночке, мелкими группами. Но папа, как врач, не мог оставить госпиталь. Помог случай. Однажды тяжело заболел генерал, командовавший остатками разгромленных войск. За них прислали самолёт с большой земли», как тогда говорили. Папу-врача приставили его сопровождать. Так он оказался, наконец, за линией фронта и немедленно стал нас разыскивать.

— Ты единственная актриса, которая обладает званием «Сын полка»...

— О, это забавная и в то же время грустная история. Уже много лет спустя после войны, когда мне нужно было оформлять пенсию, в отделе кадров Малого театра начальница заявила, что моё участие в войне невозможно подтвердить никакими документами и что Быстрицкая, дескать, никогда и ни на каком фронте не была. Меня это разозлило. Я поехала в архив Министерства обороны, расположенный в Подольске, и попросила восстановить справедливость. Можно представить, в каком я была ужасе, когда мне сказали, что моей фамилии в списках нет. Я наставила, называла номера госпиталей. И, наконец, документы нашлись. Правда, не за весь период, а лишь за часть. Но и по ним мне определили полтора года службы в действующей армии. И вот со временем меня наградили орденом Отечественной войны II степени, медалями за участие в войне и значком «Сын полка». Ведь звания «Дочь полка»

Кадр из кинофильма «Неоконченная повесть»

просто не существует, поэтому так и довелось стать сыном.

— Ты ведь, оказывается, окончила медицинский техникум.

— Да, окончила. Я работала во фронтовом госпитале. Видела, что делают врачи. В ноябре 44-го, когда кончилась моя война, когда наши пошли за рубежи, за границу, мы поехали в Киев. Но наш дом попал под бомбы, и мы уехали в Нежин. Я говорю «мы», потому что была моя мама и маленькая сестричка. Я пошла в медтехникум, так как имела право поступить хоть на второй курс, без экзаменов, как участница войны. Меня приняли.

— А что было дальше?

— Когда началась практика, я поняла, что не смогу быть врачом. Был такой случай. Практическое занятие по хирургии. У больного опухоль, которую нужно было ликвидировать. Хирург дал наркоз — маска ихлорэтил. Человек захрипел и умер... Я пошла домой и подумала: «Как же так, не на фронте, не от ран, не от кровопотери, не от того, что болезнь... Всё, человека нет...» И я решила, что не смогу, но надо было закончить техникум, и я закончила его с отличием.

— А зачем же ты заканчивала медицинский, если понимала, что заниматься этим не будешь?

— Я такая человек. Всё всегда должна доводить до конца.

— Потрясающе, в таком юном возрасте у тебя было абсолютно структурированное сознание.

— Я прошла войну, там взрослеют в один день.

— А как началась актёрская история?

— Я поняла, что не смогу стать врачом, а больше я ничего не умела. В самодеятельности что-то делала, пищала что-то.

— Это во время учёбы в медицинском?

— Да, у нас был кружок. Мне говорили друзья, что у меня талант.

Кадр из фильма «Добровольцы»

— И ты попробовала поступить в театральный?

— Нет, папа не пустил. Он поехал со мной в Киев. Директор театрального института, улыбающийся, вежливо спросил: «Чем могу быть полезен?» И услышала ответ папы: «Объясните, пожалуйста, моей дочери, что ей в вашем институте делать нечего». Я убежала. И вечером сказала отцу: не буду учиться нигде. Хорошо, — сказал папа, — поедем в Германию. Там он служил. И забрал нас в Дрезден. Через три месяца его перевели в Вильнюс, они с мамой поехали туда, а я с сестрой в Нежин. И я поняла, что надо учиться. Единственный институт, который был в Нежине, — педагогический. Поскольку я занималась в балетной школе, я начала вести там танцевальный кружок. Мы выступили на олимпиаде и получили первое место, а я — премию, путевку в дом отдыха работников искусств. Там одна актриса сказала мне: «Деточка, а ты где учишься?» — «В педагогическом». — «Тебе в театральный надо». Всё, этого было достаточно. Это же актриса Театра имени Ивана Франко сказала! Я приехала в Киев сдавать экзамены. Поступила сразу, но я хотела на кинофакультет, а меня приняли на театральный, украинский.

Родители долго не принимали моего решения стать актрисой. Поэтому, когда в Вильнюсе состоялся мой дебют, я попросила их не приходить в театр. Помню, как волновалась и как сыграла эту роль. Наконец, финальные сцены, зажглись листры, зрители очень долго не отпускали актеров. Потом я уже одна выходила на сцену, меня актеры буквально вытаскивали из-за кулис поклонами. Мне преподнесли огромный букет цветов хризантем... А когда уже ехала домой, думала: как жаль, что родители не видели мою игру. Они бы поняли, что я пошла учиться туда, куда мне надо, и делала то, что должна делать. Пришла домой, позвонила, дверь распахнулась, меня ждали. Мама и папа все-таки были на спектакле! За мамины спинки кипел самовар, у нас еле всегда ставили по праздникам. Сели чай пить, и папа тогда смущенно сказал: «Ты права, у тебя получается, работай!»

А вскоре я сыграла в фильме «Неоконченная повесть». Родители гордились мной. Это был 55-й год. Меня включили в состав делегации во Францию. В лучшем вильнюсском отеле мне сшили шубу из мутоня, шерстяной костюм и два веерных туалета. Чувствовала себя очень достойно. А там были Симона Синьоре с Ивом Монтаном, Жерар Филипп, Мишель Морган. Я посмотрела, как французы умели расположить к себе. Оценила непринужденную обстановку, которую создавали тогда вокруг себя знаменитости мирового уровня.

— Как сегодня проходит обычный твой день?

— Замечательно! Я встаю достаточно рано. Иногда в восемь, иногда в девять, но никогда позже. У меня собачка, пекинес, ей уже 13 лет, она у меня любимая, и о ней надо заботиться. Обязательно немножко занимаюсь. Раньше занималась два часа, у меня было пятьдесят восемь упражнений... С годами я стала уменьшать нагрузку. Но что-то все равно делаю, есть тренажеры, занимаюсь на них. Теперь есть компьютер, и я узнаю все, что мне хочется знать. Радио, телевизор, Интернет...

— На кухне любишь творить?

— Я не очень это люблю, но приходится делать. Семья у меня небольшая — я и моя собака, а если приходят гости, то это немножко больше.

— Ты ощущаешь внимание зрителей?

— Конечно. В Кремлевском дворце присуждали звание «Человек года» тем, кто прошел войну и помогал людям. И я должна была вручать награду человеку, который спас несколько семей от фашистов. Я вышла на сцену, и весь зал встал. Все шесть тысяч человек. Я до того раз动ивалась, что не могла начать говорить...

— Ты любишь свою профессию?

— Безумно люблю. Это мое счастье. Когда у меня нет новой работы, я очень горюю. А сейчас у меня случилось такое вдруг... Я стала нужна как исполнительница песен.

— Какая из твоих геройни больше остальных похожа на тебя?

— В той или иной мере что-то от меня есть в каждой моей роли. Я тебе больше скажу: когда мы работаем над образом, образ тоже работает над нами. Невозможно сыграть Аксинью в «Тихом Доне» и ничему от нее не научиться. Или у Лельки из картины «Добровольцы». Или у леди Уиндермир в спектакле «Веер леди Уиндермир» по Оскару Уайльду. С нее начались моя жизнь в Малом театре, и было это больше 60 лет назад.

— Ты сказала, что секрет твоей молодости в том, чтобы быть сильной. А зачем красивой женщине быть сильной?

— Наверное, хотя бы для того, чтобы оставаться красивой, несмотря на возраст...

— Твоя первая звездная роль — роль Аксиньи. Говорят, что на нее тебя утвердили сам автор «Тихого Дона», Михаил Шолохов?

— Так и было. Дело в том, что я приезжала на пробыные съемки несколько раз, знала, что на эту роль пробуются и другие актрисы, известные, и я попросила второго режиссера, Клавдию Ивановну Николаевну сообщить мне, удачны мои пробы или нет. Я болтая попадаться на глаза Шолохову, считала, что для Аксиньи неожиданность. У меня не было достаточной уверенности. Клавдия Ивановна мне позвонила и сказала, что эту роль буду играть я. Это было после того, как Шолохов приехал утверждать исполнителей. Он утвердил не только меня, но и исполнителей на другие роли. Мне известно было, что он сказал: «Так вот она!» А на праздновании его столетнего

юбилея его дочь рассказала, что когда Шолохов начал работу над сценарием, ему дали мою фотографию и сказали, что тебе будет Аксинья. Я-то считаю, что я выиграла пробу, потому что лучше всех сыграла. Но после рассказа дочери Шолохова поняла, что он узнал меня по той фотографии.

— Какие еще роли ты любишь и вспоминаешь с теплотой?

— У меня их четыре. Это роли в фильмах «Неоконченная повесть», «Добровольцы», «Все остается людям», «Николай Баум».

— Почему ты хотела служить именно в Малом театре?

— Это смешная деталь, но это правда. Когда я училась в институте, еще в Киеве, Малый театр приезжал на гастроли. Я увидела четыре спектакля: «Порт Артур», «Варвары», «Калиновая роща», «Волки и овцы». И подумала: «Да, вот это настоящий театр!» Когда я снялась в «Тихом Доне», я всегда знала, что хочу в театр, думала о том, куда бы мне пойти. И моя партнерша по Вильнюсскому театру, Леночка Аросева, сестра Ольги, сказала: «Иди в Малый, тебе там будет хорошо». После этого я позвонила Михаилу Цареву, попросила о встрече, сказала, что мечтаю работать в Малом театре. Он сказал, хорошо, вам позвонят через пару недель. Через пять дней мне позвонили и предложили прочитать пьесу «Веер леди Уиндермир» Оскара Уайльда. Полтора года я была на договоре, а после премьеры этого спектакля меня взяли в Малый. Я проработала в Малом театре с 1958 года.

— Как ты считаешь, что важнее для актрисы: талант или труд?

— Никогда не могла определить, что талант, а что труд. Я не могла этого понять ни у себя, ни у других. Я думаю, что талант без труда пропадает, труд без таланта — никчемен. Характер формируется независимо от нашего желания, он формируется благодаря жизненным преградам, которые приходится преодолевать, обстоятельствам. Характер формируется через жизнь. Это мое убеждение.

— Ты отказывалась от ролей?

— К сожалению, в моей жизни были отказы от ролей, и все это списывалось на счет моего тяжелого характера. Но на самом деле это не совсем так. Я очень сильно была амортизирована из-за войны, поэтому нервная система — не такая, как хотелось бы. Три-четыре раза возникали конфликтные ситуации: или мне недостаточно хорошо объяснили, или я не так поняла... Почти со всеми режиссерами я прекрасно работала без всяких конфликтов, но случаи, когда я уходила и оставляла роль, были. Это негативно сказалось на моей актерской судьбе. Однажды я решила переселиться с семьей и продолжала перепроверять, хотя мне очень было тяжело.

Я просто живу по правилам, которые были у нас в семье. Стараюсь не мешать окружающим. Но не допускаю, чтобы и мне мешали. Ради того, чтобы события честно, могу отказаться и отказывалась от многоного. Выше достоинства для меня привилегий нет. Ни деньги, ни благополучие меня не останавливают, если я считаю, что задает вопрос чести.

— Как ты относишься к любви?

— Не стоит путать любовь с любвеобильностью. Говоря о любви, я имею в виду именно любовь, а не увлечение. Настоящая любовь — это то, что без остатка заполняет человека и не дает ему возможности жить так, как он жил раньше. Я говорю о сексуальных потребностях, а имею в виду сильное чувство, которое движет человеком, определяет его генезис.

Думаю, что многие знают, как это трудное испытание — оставаться наедине с собой среди множества людей. Для актрисы это может обернуться трагедией... В моей жизни был период, когда я однажды просидела десять часов под дождем в лодке, решая, как мне дальше жить... Но актриса, не познавшая любовь и горькое одиночество, никогда не будет искренней на сцене...

— Какие люди в твоей жизни особенно значимы для тебя?

— Прежде всего, это мой отец. Помимо того, что я его любила, я его очень уважала. Он был прекрасный врач и очень хороший человек. У меня были хорошие друзья, называть я их имени не буду, я чую память о них, это были прекрасные люди, достойные уважения и подражания. Они ушли, к сожалению, рано, не всем удается прожить так долго, и это грустно.

— Ты чувствуешь себя счастливой?

— Да. Я сама — конструктор своей жизни и считаю, что сложила ее достаточно хорошо, мне удается никому не мешать и самой не маяться. Я живу сегодня как мне интересно. Я сумела организовать свою жизнь так, чтобы у меня было все необходимое: друзья, ученики, любимое дело, книги... Меня интересуют люди, от которых я могу學以致用, что чего раньше не знала. Среди моих знакомых — ученье, поэты, актеры, люди разных профессий.

— Отчего, на твой взгляд, зависит внутреннее ощущение счастья?

— Если душа спокойна, ее никто не мучает, нет раздражения, обид — человек счастлив. Не надо делать того, к чему не лежит душа. Бывает непросто следовать этому принципу. Но все, что в моих силах сделать, чтобы получилось так, как хочу, я стараюсь делать. В этом смысле иду до конца, а если не получается, значит это просто не мое.

Счастье — это ведь не что-то глобальное, нужно уметь наслаждаться простыми радостями жизни. Для меня счастье — это вставать утром и знать, что у тебя есть дело. Друзьями я не обделена. Мои ученики, мои партнеры по сцене, фильмам драгоценны для меня. Я радуюсь своим ученикам. Когда я с ними общуюсь, мне хорошо, но частные встречи не удаются. У меня есть маленькая собачка, я ее просто обожаю! Она всегда мне радуется и меня ежедневно радует.

Счастье — когда активно живешь.